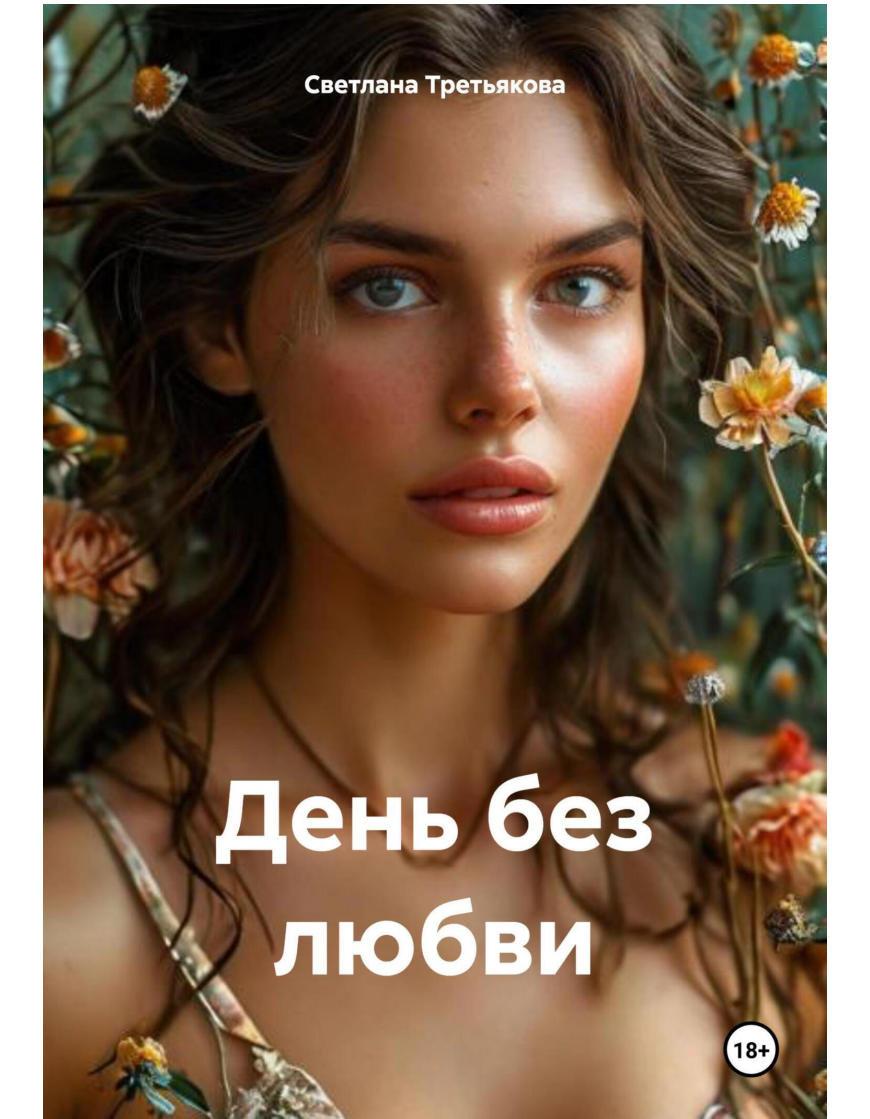

Светлана Третьякова

День без любви

18+

Светлана Третьякова

День без любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72181279

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник маленьких рассказов для женщин будет интересен читательницам, ведь его главная тема – любовь. Описанные ситуации узнаваемы: хотя бы в одной из них побывала каждая. Главное – пережить, поверить в себя и быть готовой к новым переживаниям.

Светлана Третьякова

День без любви

Самоцветы

Юлька обожала выставки самоцветов. Как только в телке появлялся рекламный ролик, извещающий о приезде очередной компании «Каменный цветок», так Юлечка начинала жить ожиданиями. Надо сказать, она вообще всегда жила ожиданиями. Сегодняшний день ее явно как-то не устраивал. Казалось, там, за горизонтом времени все намного интереснее, ярче, богаче впечатлениями. Юлька была человек праздника. Одна подружка так ее и звала: «Стрекоза». Юлечке было обидно, хотя она об этом не говорила. Пусть стрекоза. Стрекоза – это красиво, легко, изящно. Сама Юлька знала, что в будни она муравей, да еще какой! Основная работа, плюс подработка, которую надо умело совмещать с основной, чтоб никто не заметил. По вечерам – за компьютером, чтобы еще какие-нибудь денежки – муж после развода не помогал. А ко всему этому больная мама, которой надо возить продукты и лекарства. Сын-студент в другом городе, которому надо посылать «материнскую стипендию». И любимая сестра с малышом, которой просто хочется делать подарки. Так что, может быть, именно этим неистовым ожиданием праздника Юлечка и была так сильна в нелегкие будни. Все ее подружки предпочитали носить золотые украше-

ния. Юлька преданно любила серебро. Сколько было дома серебряных колечек, серег, браслетов – Юлька и не считала. Почти с каждой штучкой были связаны воспоминания. С украшениями невозможно было расстаться, воспоминания крепко удерживали их в шкатулке, притягивали к телу.

Так, например, продолговатые серьги с опалами были куплены в Коктебеле, в те незабвенные времена, когда ездили на юг дикарями. Коктебельские самоцветы – это же не просто женские побрякушки, это состояние жизни. Они наполняют душу поэзией, запахом моря и степной полыни. Купить опалы даже в самом Коктебеле, где счастливчики могли их найти под ногами, было невероятно трудно. Люди записывались и выстаивали очереди в единственную ювелирную мастерскую. Юлечка бегала туда через день, расстраивалась: отпуск подходил к концу, а опалы не доставались. И вдруг у заветного окошка какая-то капризная дамочка стала препираться с мастером, что серьги получились не те, она не будет их выкупать, возьмет только кольцо. Мастер упирался, мол, это комплект, и заказ надо оплачивать полностью. Юлька, никогда не отличавшаяся особой шустростью, тут же предложила дамочке купить у нее серьги. В общем, очередь не успела опомниться, как Юлечка уже выскочила на крыльцо с заветными камушками. Что за чудо были эти опалы! В бледной туманной голубизне нежно светился розовый рассвет, перетекая в солнечное тепло. На них можно было смотреть просто так, не надевая, думать о лете, море и о любви.

Однажды Юлечка потеряла сережку. Они были на новоселье, в доме через дорогу от Юлькиного. Засиделись допоздна, Юлька устала и, сняв опалы, положила их мужу в карман брюк. Возвращались ночью, по дороге дурачились, толкали друг друга, короче, придя домой, обнаружили, что сережка в кармане осталась одна. Ночь прошла в тяжелой полудреме,— Юлька боялась проспать рассвет. И как только забрезжило в окнах, она потихоньку выскользнула из дома, отправившись на поиски, казалось, целого куска жизни. Утро было воскресное, все спали, двое пьяниц с недоумением проводили взглядом хрупкую Юлечку, бредущую в полусогнутом состоянии. Опал найти было практически невозможно: район новостроек, вместо асфальта дорожная колея из строительной пыли и мусора. В этой пыли и лежало коктебельское воспоминание, матово светясь голубым овалом. Как сладко спала потом Юлечка под боком сонного горячего мужа, и каким волшебным было море во сне!

Сейчас эти опалы Юлька почти не носит. То ли выросла. То ли мода не та.

А вот с белым перламутровым колечком связана совсем другая история. Юлька до сих пор не может удержаться от смеха, когда кому-нибудь рассказывает ее. Поскольку из всех путешествий она, как правило, привозит серебряное украшение, то и, будучи в Турции с подругой на отдыхе, самой собой забрела в ювелирную лавку. Колечко Юльке понравилось сразу. Веночек из трех цветков, покрытых белым перла-

мугром. Стоило удовольствие 40 долларов. Зная, что в Турции надо торговаться насмерть, Юлька около часа сбивала цену. В конце концов, договорились, что кольцо постоит до завтра, а Юлечка и торговец будут думать об окончательной его стоимости.

На следующий вечер, воодушевленные ярким отдыхом и красным вином, подружки снова отправились за колечком. Еще в баре Юлька придумала целый спектакль, который они и разыграли в серебряной лавке.

Торговец встретил их, как старых знакомых, тут же достал перламутровое колечко, одел Юльке на палец и преданно заглянул в глаза. Юлечка тяжело вздохнула и зашептала торговцу на ухо:

–Видишь, вон там моя старшая сестра. Она такая сердитая. Она мне денег на кольцо не дает. Сказала 15 долларов и все!

Турок засомневался: – Почему такая большая, своих денег нет?

Юлечка грустила еще больше: – Так мама решила.

–О! – всплеснул руками торговец,– Ты еще и маму слушаешь?

–Да!– подросла подруга.– И вообще мама сказала позже одиннадцати не гулять.

(Надо было видеть со стороны этих разыгравшихся теток, которые выглядели, правда, всего на 30. Театр отдыхает.)

–Значит так,– чеканила «старшая».– Вот тебе 15 долла-

ров, делай с ними что хочешь! А я пошла. И чтоб через двадцать минут была в отеле!

Юлечка «погрустила» еще с торговцем, попила с ним кофе, поговорила «за жизнь» и ушла, довольная собой, с 15-долларовым колечком.

Правда, подруга потребовала потом моральную компенсацию за «старшинство», и пришлось купить ей в баре порцию настоящего коньяка.

Ах, до чего ж увлекательно жить на свете! И весна, и зарплата скоро, и «Каменный цветок» приехал. Вот только приехал он гораздо раньше зарплаты. К тому же в последнее время стали привозить все более дорогие украшения. Они, конечно, были красивы, отличались искусной работой, но не каждая женщина могла позволить себе купить, что хотела. Юлечка присмотрела гранаты. Таких украшений в ее коллекции еще не было. Темно-красные камешки в обрамлении состаренного серебра. Серьги и небольшое колечко. Что удивительно, комплект был универсальным: он одинаково уместно смотрелся бы и с деловым пиджаком, и с платьем, и с вязаной кофточкой. Но две с половиной тысячи! Их нет и в помине. Месяц назад были куплены хорошие осенние сапоги.

Юлечка не спеша переходила от прилавка к прилавку, придирчиво рассматривала переливающиеся изделия, одни примеряла, к другим притрагивалась руками. Но неизменно возвращалась к гранатам: может быть, разонравятся? Увы, они нравились еще больше.

В какой-то момент она обратила внимание на женщину, которая часто оказывалась на полшага вперед. Только Юлечка выберет себе украшение – посмотреть, как эта дама его уже покупала. На вскидку, она купила уже штук пять украшений, причем, недешевых. И судя по всему, останавливаться на этом не собиралась. Юлечка не на шутку встревожилась за гранаты.

Она стала ходить по пятам за женщиной, стараясь заранее предугадать, куда та направится дальше. Между тем Юлька раскрыла секрет щедрости неприятной ей дамочки. «Кошелек» тоже ходил по выставке. Обычный с виду мужик, в растянутой короткой дубленке, с барсеткой подмышкой и золотой печаткой на пальце. Мужик задерживался у витрин с поделками из оникса и малахита. И тут Юльку как всегда осенило: ей должен кто-то подарить эти гранаты! Но кто?

Это мог быть только Михаил. Третий месяц продолжался их вялотекущий роман. Они перезванивались, иногда ужинали за городом. По всему было видно, как нравится ему Юлечка, как хотел бы он более раскованных отношений. Но поклонник то ли боялся ее отказа, то ли действительно настолько был занят работой, что события как-то не развивались. Юлька сама не знала, хотела ли она продолжения. Вроде бы Михаил ее устраивал: обаятельный, веселый, целенаправленный. При первой же встрече выяснилось, что он много читает, любит историю, как он выразился, «государства российского». В бизнесе всего добивается сам, после потерь

поднимается снова, живуч. Женат, конечно, да кто сейчас не женат?

Как-то в машине Юлечка ехала на заднем сиденье, а Михаил впереди, рядом с водителем. И Юлечка увидела вдруг прямо перед собой затылок – с реденькими волосиками и пробивающейся сквозь них бледной лысинкой. Это оказалось так неожиданно, будто открытие. Но открытие неприятное. Юлечку затошнило даже, и всю дорогу она старалась смотреть в окошко на пробегающие мимо пейзажи. Но взгляд так и тянулся обратно к затылку. Как наказание – не раскатывай с женатыми мужиками!

Да ладно, вспомнилось тоже. Тут гранаты горят. А Михаил, между прочим, уже дважды звонил и пытался договориться о встрече. Хотя бы пообедать. Вот мы сегодня и пообедаем... Юлька отыскивала в телефончике имя с номером.

–Солнце мое! Как я счастлив, что ты позвонила, ты где?

–Привет, Михаил. Я на выставке самоцветов. Ты бы видел, какая здесь прелесть! Море камней, украшений, подарков...

–Подарков, говоришь? Ты долго там еще будешь? Я приеду, не уходи.

Ну что за прекрасная штука жизнь!

Михаил приехал довольно быстро. Надо же: расстегнутая дубленка, барсетка в руках, – все «кошельки» одеваются одинаково.

–Ну, показывай, где тут лучшие драгоценности? Я в них

не понимаю, теряюсь, что может понравиться женщине.

Юлечка подвела Михаила к гранатам и осторожно взяла их в руки:

–Вот...

Сердце просто затрепетало – к радости примешивалось немножко стыда, наплывали фантазии, и предвкушение праздника подступало к самому горлу. Михаил расплатился, получил украшения, тщательно уложенные в коробочку, и сунул коробку в карман.

Как вовремя ты позвонила. У жены день рожденья сегодня, а подарка все еще не было. Фу-у, гора с плеч. Ну, а теперь обедать, солнце мое!

Va bene

(все хорошо–итал.)

«Ию парло литальяно... ию парло литальяно нон молто bene...» Ленка отодвинула книжку на вытянутой руке и, внимательно посмотрев на нее, пнула что есть силы прямо посередине. Желто-синий разговорник улетел далеко за кресло.

Вот уже третий месяц Елена Ивановна учила итальянский язык. Это было событием. Давно перейдя на женские романы и детективы, Ленка и ее подруги с образованием завязали. Да и кому это надо? Вышедшие в жизнь более десяти лет назад филологини оказались задвинутыми той самой жизнью если не на задворки, то, по крайней мере, далековато от центра.

– Мама, мы богатые? – как-то спросила маленькая Ленкина дочка, уютно устроившись на пушистом ковре перед телевизором.

– Нет, дочка, мы не богатые, – отвечала Елена, боясь отвлечься от ювелирной работы – на новых колготках образовалась затяжка, – но и не бедные. Мы – золотая середина.

В выражении «золотая середина» было что-то изысканное. Этакая снисходительная небрежность, как, например, «золотая молодежь». В это хотелось верить. Золотая середина – значит, не считаешь копейки, но и норковые манто с бриллиантами тебе тоже вроде как ни к чему: а, лишние хлопоты.

На самом деле копейки считать приходилось. Перед выбором – что купить: сосиски или краску для волос, Елена, конечно, выбирала сосиски. Но отросшие черные корни волос приводили ее в такое отчаяние, что, вылив его на домашних вечером, утром Ленка осознавала: лучше бы она покрасила голову. А на завтрак можно было и кашу сварить. Просветления в семейном бюджете все-таки были. Причем, Ленка заметила странную закономерность: как только беднота подступала к горлу – не продохнуть, и на завтра в наличии оставались только долги, так неожиданно появлялись деньги. Суммы могли быть разными – от банальных «на хлеб» до покупок «для дома». Деньги приносил, естественно, муж, которому удавалось иногда подхалтурить. Но и Ленку порой осеняли творческие порывы, и даже крошечные гонорары

всегда были кстати.

Вообще-то Ленка знала секрет этой закономерности. У нее на холодильнике много лет уже жил домовенок. Подарили на день рождения вроде бы в шутку, наказывая: вот здесь потри, это к деньгам. Вот Ленка втихаря нет-нет, да и потрет домовенка: миленький, сжался, дай нам немножко денежек, мы такие хорошие... Пыль смахнет с холодильника, поставит домовенка под кустик зелени и сделает вид, что ничего и не говорила, и не думала даже! А жизнь продолжалась.

На вопрос: «Что ты любишь больше всего на свете?» Ленка могла ответить мгновенно, хоть разбуди ее ночью. Правда, ее почему-то об этом никто не спрашивал. Больше всему на свете Ленка предпочитала путешествия. В часы кухонных откровений с подружками она всегда рассказывала о том, как ей не надо особняков и колье, а деньги нужны лишь для того, чтобы увидеть мир. Кстати, туристическими впечатлениями она была не так уж и обделена. Еще в советские времена Ленка успела объездить страну, назагораться на пляжах Крыма, побывать в паре зарубежных поездок и, что особенно памятно, — на средиземноморском курорте. Но это было такой каплей в море по сравнению с тем, что еще оставалось! Дмитрий Крылов со своими «Непутевыми заметками» был для Ленки человеком, которому она завидовала беспрдельно.

«Я говорю по-итальянски... Я говорю по-итальянски не очень хорошо...» Ленка нехотя поднялась с дивана, чтобы

достать улетевшую книжку, но вместо этого, подойдя к окну, ткнулась лбом в холодную раму. Шел густой снег. Зима – не ее время года. Ленка безумно любила лето, и если все изнывали от духоты, жалуясь на давление, то Ленка летала, как бабочка, порхая цветастой юбкой. Зимой ей хотелось в спячку, под одеяло. В последнее время появилась новая навязчивая идея – посидеть у камина. Красивые сцены американских фильмов на фоне костра, обрамленного рамой камина, завораживали ее, как Золушку. Не утратившая способность мечтать Ленка сама подсмеивалась над своими желаниями, но по возможности прикладывала все силы к тому, чтобы осуществить хотя бы простейшие из них. Поэтому, когда одна из подруг собралась на загородную вечеринку в домик с камином, Ленка тут же сориентировалась: я с вами!

Камин был совсем примитивным и не годился в киношный фон, но компания Ленке понравилась. Подруга работала в турагентстве, и ее окружение составляли современные люди, развитые, коммуникабельные, свободно владеющие английским и главное – путешествующие гораздо чаще, чем Ленка. На этот раз в их компании оказался гость из Италии, работавший в той же сфере турбизнеса. На каком из сайтов бездонного Интернета он выкопал провинциальную туристическую фирму, Ленка так и не поняла, но все давние мечты об Италии вдруг воплотились в тот вечер в этом черноволосом худом итальянце, смешно коверкающем слова и не выпускающем сигарету из рук. Ленка вдруг вспомнила,

как в детстве она врала девчонкам, что у нее итальянские корни, и когда она вырастет, то непременно поедет в Италию к дальним родственникам, где ее ждут-недождутся. В юности ее идеалом женщины была Софи Лорен, а фильм «Подсолнухи» она смотрела столько, сколько он шел в городском прокате. До сих пор Ленка необъяснимо любила кино про сицилийскую мафию, а уж про итальянскую эстраду нечего и говорить – она оставалась непревзойденной на музыкальном ринге. И вот на тебе – живой итальянец. Не красавец, правда, и ростом не вышел, но так искренне смеется над шутками, так понимает ее с полуслова, что Ленка весь вечер росла в собственных глазах. Узнав, что Елена имеет ряд публикаций и отношение к рекламе, итальянец тут же предложил ей работу. Такого сюрприза Ленка не ожидала. Итальянец, владелец турфирмы, остро нуждался в рекламе проекта «Италия из окна автомобиля». Нужен был ряд статей в российской прессе. А кто их напишет лучше, чем очевидец?

Очевидцем Ленка была готова стать хоть завтра. Предложение итальянца упало на благодатную почву. Проведя будоражащий вечер у живого огня, Ленка оставила зарубежному гостю свои телефоны, получив взамен заверения, что все будет просто великолепно. В этом Ленка не сомневалась. Такой шанс выпадает одной из тысячи, и разве не она была этой единственной – талантливой, обаятельной, умеющей располагать к себе и даже влюблять в себя окружающих. В Италии ей самое место. Пусть на время, но зато какое! Не праздное,

не вымученное из мужниных заработков и собственных долгов, а время работы, творчества, путешествий!

Словом, Ленка засобиралась в страну-мечту с детства и не скрывала своих планов ни от кого. Знающие люди сказали, что итальянский язык не сложный, и Ленка обложилась учебниками. Каждую свободную минуту она заучивала слова, они быстро складывались в целые предложения, и буквально через месяц Ленка ловила себя на том, что иногда думает по-итальянски. Не мечтать было выше сил, поэтому Ленка хорошо представляла, в чем поедет, что повезет и что скажет при встрече в красивом итальянском аэропорту. Подруги верили: «Эта – поедет!», дома сомневались: «Что ты там будешь делать?», на работе завидовали: «Везет же некоторым...» И все это время Ленка ждала звонка. Осознание собственной значимости при встрече с итальянцем не позволило ей заручиться его телефонами, адресом, она даже забыла спросить, из какого он, собственно, города. И теперь, находясь в неведении, она не могла понять, почему была столь опрометчива: судьба, конечно, распахнула свои объятия, но надо было все же за них подержаться. Подруга из турагентства вообще ничего не знала, а директор уехал надолго в командировку.

В мире не было ничего нового. Осень сменилась зимой, муж пропадал на работе, дочь приносила из школы пятерки и двойки, в меру болела мама. Мечты об Италии потихоньку сходили на нет.

Ленка оторвала взгляд от снега, откатила в сторону кресло, подняла разговорник и неожиданно для себя засмеялась: а почему бы и нет? Отказывая себе во всем эти месяцы, Ленка скопила немного денег. Конечно, их явно не хватит на шикарную шубу, но та маленькая и пушистая, что дразнит Ленку с начала зимы из горящей витрины, как раз для ее фигуры. Придется чуть-чуть подзанять, обсудить это с мужем – да когда он был против ее затей?– и новая шубка станет гораздо реальнее всяких италий.

На работе все ахнули:

– Красотища! А какая зима в Италии? Там ходят в шубах?

Ленка загадочно улыбнулась:

– Va bene – все хорошо. Я решила поехать весной, когда здесь еще слякоть, а в Италии все зацветает...

Агония весны

Кофточки, брюки, дубленки, модные туфельки... Людмила с тоской смотрела на вещи, медленно переходя из отдела в отдел. Она казалась себе неуклюжей трудолюбивой пчелой, попавшей в цветочный рай – изысканные ароматы кружили голову, нарядные бабочки порхали с цветка на цветок, примеряя на легкие крылышки новые краски.

Людмиле нравилось все: и этот радужный шарфик, и тот белый свитер, а сумочка с блестящими ремешками была олицетворением женской мечты. Не нравились только цены. Кучи нулей были запредельными, несмотря на кажущуюся

никчемность. Ей не хотелось покупать травяной шампунь и китайские тапки, ей хотелось кожаный плащ, остроносые туфли и крем от морщин в половину ее зарплаты. Говорят, перед смертью человек в считанные мгновения просматривает свою жизнь. Прожитые годы мелькнули перед глазами у витрины с французской косметикой. Жизнь не казалась напрасной. В ней было много яркого и хорошего, плохое не тяготило, совесть не заставляла краснеть, на душе – спокойствие и пустота. На душе было грустно. Приближался праздник весны и женского великолепия. На работе все, как обещали, рванули по магазинам в поисках новых тряпок. Людмила два вечера перетряхивала шкафы – идея не приходила. Выход один – покупать. А на что?! Как надоело вывязывать мудреные узоры из дешевой пряжи, нашивать тесьму на видавшие виды юбку, переделывать, перешивать, пере... Хотелось взять пачку денег и – во все тяжкие! «Бродвей», «Коллизей», «Европейский», «Шанхай», «Венеция», «Италия»... Тьфу ты! Названий нормальных уже не осталось. «Детский мир» и «Восход» тоже не для простушек, пойдешь приценишься, – не по карману.

Людмила затолкала обратно неприглядные вещи и уселась с ногами в кресло. Тоска... Комната имела вполне пристойный вид: пушистый ковер, красивая мягкая мебель, импортный телевизор, стенка, полная хрусталя, и, конечно, книги. Без книг, старых – любимых, и новых – полупрочитанных, жизнь не представлялась. Но сегодня она готова была про-

менять пол-шкафа на одежду для весеннего праздника. Кроме Ахматовой и, естественно, Вознесенского, о Грине речь вообще не идет, а Мандельштам, Франсуаза Саган и Моруа, само собой, вне посягательств. Виктория Токарева, Михаил Веллер — о, совсем еще новенький! Неразогнутые старницы, пожалуй, сейчас и начну. А это что? Это фотоальбом. Фотографии Людмила любила. Больше, чем домашнее видео. Их можно рассматривать долго, отыскивая забытые детали и восстанавливая в памяти лучшие эпизоды. А ведь я была хороша! Не красotka, конечно, на какую шеи сворачивают, но все же...

Как пришла ей в голову эта мысль? То ли влетела в форточку с вечерним морозным воздухом, то ли вылезла из-под дивана, хитро задрав мордочку и гадая, что будет дальше. Короче, Людмила достала пачку бумаги, уселась за кухонный стол и пошла строчить письма. При разных адресах текст был примерно один и тот же. Ей глубоко памятливы дни, проведенные с... Она часто вспоминает, как была счастлива в... Именно он подарил ей веру в себя, как женщину... И прочая белиберда, рожденная воспаленной женской фантазией. После изрядной доли комплиментов, упавших на мужские амбиции, следовала проза жизни. Людмила ненавязчиво указывала на свои стесненные жизненные обстоятельства и скромно просила оказать ей разовую финансовую поддержку в знак благодарности за хорошо окончившийся роман.

В запале Людмила подписала небольшую пачку конвертов (благо, закупила для поздравлений к 8 марта) и тут же спустилась к почтовому ящику на углу дома, чтобы не передумать.

Утром она готова была царапать ящик ногтями. Но железные почтовые ящики почему-то с советских времен оставались оплотом надежности. Видимо, за ненадобностью: кто сейчас пишет письма?

Жизнь тянулась своим чередом. В магазины Людмила больше не заходила. Дом, телевизор, работа, дом, телевизор. Как-то вечером позвонила соседка:

– Людмил, ты в какую лотерею играешь? И все втихушку, поделилась бы опытом, жалко что ли?

– Ты о чем?

– О чем? Да ты в почтовый ящик заглядывала? Я сегодня по ошибке открыла, ты уж прости.

– И что там увидела? Рекламные листки паутину порвали?

– Ну, знаешь! – соседка швырнула трубку.

Людмила нехотя выбралась из любимого кресла, накинула куртку, спустилась на три этажа. В ее руках было пять извещений. Общая сумма переводов – 16 тысяч рублей. Дома, разложив почтовые бланки перед собой, Людмила пережила все возможные в мире эмоции: она краснела, бледнела, стыдилась, плакала и смеялась, она лихорадочно соображала, что делать дальше, как выйти из этой нелепой ситуации, не уронив собственного достоинства и не став полной дурой,

возвращая деньги обратно.

На следующий день она их получила. Проживя целую ночь в агонии, не меньшей, чем во время написания писем, Людмила к полудню несколько успокоилась. Ну, написала. Ну, откликнулись. Кстати, скольким она написала? Вот черт, точно не вспомнить. Надо же, денег прислали. Смешно. Грустно. Нет, все-таки смешно. Ожившие фотографии в виде материальной поддержки. Я продала свои лучшие воспоминания! Только без самокопания. Они далеко заводят. А далеко мне не надо. Мне цинично – до ближайшего магазина. Отступи, мятая барахолка, мне сегодня не до тебя. Я примерю все вещи в более комфортных условиях. С чего начнем?

Людмила не поддавалась усталости, хотя плечи ломило, и ноги спотыкались на каждом шагу. Почему, когда ходишь с деньгами, трудно выбрать нужную вещь? Оказалось, 16 тысяч – это не так уж много. На что-то глобальное не хватает, а на мелочи жалко потратить. Была даже мысль отложить на лето, может, поехать куда. К счастью, мысль держалась недолго. До первой блузки с воланами. Именно в ней Людмила почувствовала, что праздник весны в этом году состоится!

На ящике с картошкой между лестничными площадками подозрительно кто-то сидел. Людмила покрепче прихватила объемистые пакеты, соображая на ходу, как достать ключи со дна сумки. Тип двинулся следом за ней. Расстояние – четыре

ступеньки. Людмила решительно развернулась и...

– Саша!

– Привет, дорогая. Я рад, что узнала.

– Откуда?! – перехватило дыхание, ведь она и ему написала. Что же он скажет сейчас? Что ответит она? Сумки жгли руки, словно она украла все эти вещи. Весна отступила, и повеяло холодом, – кто-то вошел в подъезд.

– Так и будем стоять? Давай-ка я помогу.

– Помочь? Да нет, что ты, помощь мне не нужна, я справляюсь, у меня все в порядке, просто я пошутила, хотела проверить, помнишь ли ты меня, написала это письмо, потом пожалела, но письмо уже ушло, а почтовый ящик такой железный...

– Что ты бормочешь? Какое письмо? Разве ты знаешь мой адрес? Я давно живу за границей. Да открой же дверь, наконец!

Людмила очнулась. Пальцы сами собой разжались, пакеты скользнули на пол, и освободившейся рукой Людмила обняла за шею мужчину, с которым была по-настоящему счастлива. Так давно. Так недолго. И так по-настоящему.

Весть

Лиза уже собиралась спать, когда позвонил старый знакомый. Они не общались несколько лет, с тех пор, как она прекратила заниматься сетевым бизнесом. Бизнес – громко сказано, попробовала, да и ладно. Поняла, что это не ее путь

зарабатывания денег, хотя на первых порах вроде бы и захватило. Нет, не ее. И сейчас он пытался вовлечь Лизу в новый инвестиционный проект, рассчитанный то ли на средних лохов, то ли на супер продвинутых. Разговор шел оживленный, перемежался информацией о цифровых технологиях, последними новостями из жизни, бытовыми подробностями о скудных доходах.

– Да тебе от меня никакого толку, – смеялась Лиза, – вон у тебя есть крепкий В., обратись, он поддержит.

– Так ты ничего не знаешь... Он умер.

Мир ухнул в яму.

Вместе с кроватью, на которой сидела Лиза.

Ухнуло сердце.

– Когда...

– Да уже года три. Обширный инфаркт. Мгновенная смерть.

Продолжать разговор не было смысла. Не хотелось даже дышать, не то, что думать и что-то произносить. Три года...

Все это время В. был. Казалось, протяни только руку. И Лиза знала, что протянет однажды, несмотря на то, что сама избавилась от отношений, да еще таким неприглядным способом.

Когда отношения ей докучали, она умела их рвать, как это делают только мужчины, писала Жорж Санд. Лиза так не умела, но набралась где-то сил, а злая творческая фантазия совершила некрасивый поступок.

В. слишком влез в ее жизнь. Он мешал ей работать, общаться с друзьями, свободно передвигаться и жить так, как жила до него. Он пытался контролировать каждое Лизино действие, не отлипал от компьютерных сообщений, поучал и напутствовал, как непутевую девочку. Одна только фраза. «Эх, встретить бы мне тебя лет пятнадцать назад, я бы сделал из тебя человека» могла погубить одним махом все лучшее, что случалось у них. Капля за каплей, – Лиза устала. Устала переносить обиды, которые он наносил ей безжалостно.

И Лиза решилась.

Надо было ударить по главному: его непревзойденному самолюбию.

Сначала шел пробный невинный розыгрыш. Лиза закинула на его страничку в соцсети предложение познакомиться. Аватарка была сомнительной: дама в шляпе с полями, закрывающими лицо. Слово за слово (знала, на что цеплять), вызвала интерес. Удивилась: как просто все оказалось. Буквально пара недель, и В. начал требовать реальную фотографию.

Опа-па! Любое фото при желании легко отследить в интернете. Но с другой стороны, виртуальный мир – это космос, и миллиарды красивых лиц перемещаются невооруженными. Поиски увенчались успехом – крупный план приглушенной блондинки с распахнутыми глазами и растрепавшейся на ветру прической, рука у лица, полуулыбка... Одновременно узнаваемая и непохожая ни на кого.

Сработало.

Дальше – легенда личности. Нужна была личность, иных он не признавал.

Переводчица. Все художественное – побоку, – В. не читал. Как, кстати, не смотрел кино, не ходил на выставки и вообще не признавал мир искусства. Переводчица научно-технической литературы. Самое то. Муж есть, но живет за границей, приезжает раз в год. Сын там же, получает образование.

В. себя слегка приукрасил, но в пределах разумного. Сообщил о родившихся племянниках-близнецах, и новая знакомая рассыпалась в звонких восторгах (Лиза-то особых эмоций не проявляла). Играть было совсем не сложно: все, что не нравилось ему в Лизе, напрочь отсутствовало в блондинке.

Выдумав нелепый до тупости тест, Лиза предложила ответить на вопросы со всей откровенностью. А потом, якобы по результатам, выдала такой перечень мужских достоинств, что В. сразу понял: это о нем. Самолюбие, сомнение, корень один – самец. И если в нем еще пребывали слабые сомнения: стоит ли заводить новые отношения, последняя переписка развеяла их окончательно.

А что в это время Лиза?

Лиза и В. продолжали ссориться. Только Лиза теперь стала сильнее: их было двое. Две женщины, одна из которых воздвигала мужчину на пьедестал, другая играла на этом и забавлялась с той злостью, на которую способна лишь мсти-

тельная любовница.

Страсти разыгрывались нешуточные. В. несло по полной программе. Еще немного – и он предложил виртуальной подруге свой «джентльменский» набор: совместное путешествие.

Из поездок Лиза всегда возвращалась в недоумении: отдохнула ли она, как хотела? Подруги наперебой увещевали: «Конечно! Конечно, Лиз!» Но взгляды на отдых не совпадали, как и в целом отношение к жизни. Лиза – жадная до впечатлений, ей хотелось увидеть все сразу, В. достаточно было пляжа и отеля по расписанию. Она любила танцевать и веселиться в компании, он – сидеть в баре (слава богу, не пить, как многие), довольствоваться ее обществом и наблюдать за окружением. Он будил в шесть утра, включал новости и шумно мылся под душем после утреннего заплыва. Уже к завтраку Лиза начинала давить в себе отрицательные эмоции. «Конечно! Конечно, Лиз!»

Виртуальное игрище затянулось. В. находился в приподнятом настроении. Он стал даже как-то добрее к Лизе, не придирался по мелочам. Но разве женщину проведешь. Пора было выходить из игры.

В. давно уже рвался к свиданию. Блондинка тянула, оправдывая то неожиданно свалившей ее простудой, то вероятным приездом сына, то... Короче, на что хватало фантазии. И вот однажды она предложила В. встретиться в выбранном ею кафе.

Лиза заранее заказала столик по телефону.

В назначенный день и время она разнервничалась. Понимала, что обратного пути нет. Но стало вдруг как-то жалко и его, и себя, и потраченных (или упущенных?) лет. Все же было немало хорошего. Куда списать счастливые моменты нежных прикосновений, ночного дыхания, обниманий? Аэропорт, расставания, встречи, праздничные сюрпризы. И смех. Смех – очень важная часть отношений мужчины и женщины. Обязательно надо вместе смеяться! Многое потом забывается. А смех – никогда. Но от задуманного Лиза не отступила. Хороший учитель был у нее все последние годы.

Она позвонила в кафе через сорок минут после назначенной встречи. Знала, что педантичный В. придет сильно заранее. Попросила администратора оказать ей услугу.

Официант подошел к его столику слегка озадаченный: «Звонила дама, она просила вам передать, что не придет».

А в почте В. висело коротенькое письмо: «Я приходила в кафе, посмотрела на тебя со стороны. Ты мне вообще не понравился. Не пиши. Я все заблокировала».

И настоящая Лиза сделала то же самое. Заблокировала.

Тот год выдался очень тяжелым. Потеряла любимую тетю. Возникли проблемы с работой. Друзья насильно отправили ее в турпоездку в Париж. Лиза сопротивлялась: это не то место, где лечат душевные раны. Туда ездят с любимым, чтобы не просто «увидеть и умереть», а умирать от счастливой любви каждый метр прогулок вдоль Сены.

Встреча с Парижем Лизу пугала: вдруг он ей не понравится? И это возможное разочарование уже не пережить.

Потом она, вспоминая, каждый раз в голос смеялась. В Париже пережить можно все. И не где-нибудь, а прямо под Эйфелевой. Не веря ни в кармы, ни в фэн-шуй, ни еще во что бы то ни было, Лиза, стоя под башней, вдруг кожей почувствовала, как сползает с нее весь негатив прошедшего времени. За какие-то полчаса она почувствовала себя абсолютно счастливой. Свободной. В том числе и от В.

Сколько лет прошло? Неужели три года? И все это время В., конечно, существовал. Пусть просто в памяти, но он присутствовал в ее жизни. Иногда Лиза даже звонила и жутко злилась, что он не отвечал, «был не в зоне действия».

Три года! Невозможно. Лиза прислушивалась к себе, к своим ощущениям. Он обманул ее! Она всегда знала, что В. реален. По-другому просто не может быть. Его здоровья хватило бы не только на долгие годы, а еще с лихвой и на ее, Лизину, жизнь.

Как он мог! Умереть и не сообщить ей об этом. Умер, как трубку бросил. Он всегда так поступал, когда они ссорились, чем бесил ее невероятно.

Лиза сползла с кровати, потащилась на кухню за коньяком. Там над столом висела солнечная фотография – Лиза в центре Парижа светила от счастья.

Знакомство

Как она умудрилась поссориться с ним через 20 минут после знакомства?!

Настя открыла зонт в толпе, выходящей из кинотеатра, и зацепилась спицей за соседний купол большого зонта. Под ним оказался мужчина приятной внешности, что бросалось в глаза даже в сумерках. Начали расцепляться, их толкали со всех сторон, за шиворот попадали капли дождя, кто-то наступил на ногу... в общем, было забавно размяться после долгого сидения в зале. Оставшись вдвоем, им ничего не оставалось, как познакомиться.

– Игорь.

– Настя, – но тут же спохватилась: – Анастасия.

Он засмеялся: – Настя мне нравится больше. А пойдемте обратно – кофе пить?

Они сели за маленький столик отгороженного от вестибюля кафе и, пробуя горячий терпкий напиток, стали обсуждать кинопремьеру.

Насте фильм не понравился. Столько шума, стрельбы, крови – ради чего? Ни погрузить, ни посмеяться, ни помечтать. Это не «Сибирский цирюльник».

– Да бросьте, Настя, простите, Анастасия. Что в этом «цирюльнике»? Поставить на карту блестящую карьеру русского офицера ради кокетства американской проститутки! Инфантильный Меньшиков – ваш герой?

– Какой-какой Меньшиков? – у нее аж дыхание перехватило. – Да как вы смее!

Настя вскочила. Зонт упал. Кофе пролился. Мелодрама и только.

Ей было обидно по-настоящему. Не столько за актера Меншикова, к таланту которого Настя относилась с большим почтением, сколько за нового знакомого. Мужчина, понравившийся с первого взгляда, должен был соответствовать ей во всем: во вкусах, репликах, взглядах и поведении.

– Да сядьте вы, Настенька, успокойтесь. Все это нехитрое лицедейство. Стоит ли так волноваться?

– Отрицаете талант как черту?

– Признаю талант ученых, изобретателей, исследователей. А петь и плясать, равно как и играть различные роли, мы с вами сможем не хуже.

– Вы полагаете, что справитесь с ролью Гамлета, Квазимодо, или замените Хопкинса в «Молчании ягнят»?

Кофе горчил, как никогда. Настя и не заметила, что прихлебывает остывшую гущу.

– Да, Настя, да. И не надо так кипятиться, улыбка вам больше к лицу.

Игорь протянул руку через маленький столик и крепко взял ее за запястье. Настя оцепенела. При встрече с женщиной всегда преобладало одно ощущение – либо он нравился, либо нет. Но чтобы одновременно внутри нее боролись два разных чувства, такого Настя еще не знала. Схватка между неприятием и симпатией захватила ее с головой, и непонятно было, где сама Настя, на чьей стороне?

Она высвободила руку, достала влажную салфетку из сумки и стала оттирать кофейное пятно на рукаве.

– Ладно, Анастасия, раз уж я стал причиной вашего испорченного пальто, будем исправлять положение.

Игорь решительно взял Настю за руку, собрал ее вещи и пошел к выходу. Шел он уверенно, чувствуя себя хозяином ситуации, и Настя болталась за его спиной, как капризный ребенок.

Машина, дом, ключи, свет – как одно мгновение. Вдруг ни с того ни с сего почудился образ обезумевшего вояки из только что просмотренного фильма, и как ни странно, он возвратил реальность. Настя стояла на красивом коврикe и осматривала помещение, которое трудно было назвать прихожей. Стенные шкафы, зеркала, напольные вазы и даже маленький кожаный диванчик – ожившая глянцевая картинка.

– Снимайте, Настюша, вашу модную вещь и проходите.

Игорь ушел в далекие недра квартиры. Настя взглянула на сапоги – снимать ли? – но, вспомнив, что на ней новые колготки, решила все-таки снять. Целые колготки – вещь очень даже немаловажная. Был в ее жизни случай, когда пришла Настя в гости с поклонником, да не просто в гости, а к его родственникам, почти что смотрины. Вывалились родственники в прихожую, встречать долгожданную гостью. Та расфуфырилась, надушилась, одной рукой букет с розами держит, другой – раз сапожок с ноги, а там – голый палец до самого основания из черной колготки торчит. Вся прихожая

как-то разом на этот палец устоялась, и никто не мог найти выход, пока не прозвучал детский голос: «Мама, у тети дыйка». После этого стало вовсе невозможно. Настя подхватила сапог, сунула какой-то тетке букет и выпрыгнула за дверь. Ей кричали вслед, вроде бы даже бежали, но этажом ниже Настя влетела в лифт и была такова.

Сходить с пушистого коврика не хотелось. В этой части квартиры уже можно было жить, но в зеркальной стене отражались двери гостиной, которая несомненно была еще лучше. Двери неожиданно разъехались в стороны, Игорь сделал приглашающий жест.

Как красиво... Настя слегка утонула в диване и начала осматриваться по сторонам. Ощущение двойственности не уходило, перекинувшись на неживые предметы. Обои приглушенного тона, голый пол, большой экран телевизора на стене – Насте нравился минимализм в интерьере. Но здесь не было вещей, которые хотелось потрогать. Хотя бы фарфоровую собачку, или вазочку с какой-нибудь ерундой, фоторамку, где все так мелко сфотографированы, что надо в каждого тыкать пальцем и объяснять, кто есть кто. За безупречность взгляд не цепляется.

Игорь разлил коньяк по бокалам и сел рядом с Настей. Сердце, как перебежчик, метнулось в опасную сторону. Не менее рискованным было начать разговор. Игорь в любую минуту мог сказать что-то не то, и красивая обстановка бы не спасла.

Любой женщине нравится нравиться. И Насте, конечно, нравилось отражаться в глазах обаятельного, уверенного в себе Игоря. Он смотрел на нее будто издалека, будто что-то прикидывая, не хотелось думать – прицениваясь. Паузу чем-то надо было заполнить.

– У вас, видимо, технический склад ума, – продолжила Настя прерванный спор в кафе. – Я больше живу впечатлениями.

– И какое у вас впечатление от нашей встречи? – Игорь плеснул еще коньяку и снова посмотрел ей в глаза.

Внутри заскакал шарик пинг-понга: туда-сюда, туда-сюда.

– Вы мне тоже понравились, – с вызовом ответила Настя.

– Вот и прекрасно! – Игорь радостно рассмеялся. – Значит, мы друг другу подходим.

Легковесный пластмассовый шарик тут же отяжелел и ловко закатился в бильярдную лузу. Трепыхаться было бессмысленно: он осел где-то в ногах, и вряд ли удалось бы вскочить с обнимающего Настю дивана. «Это коньяк», – оправдывалась Настя перед собой, но не могла уловить интонации – обреченно или задиристо.

– Займемся самым интересным, – Игорь вышел из комнаты.

Через минуту вернулся с полными руками: Настино пальто, яркие пластмассовые флаконы, пачка журналов...

– Смотри! – что-то открыл, плеснул на пятно, оно зашипело, сверху посыпал из баночки, стряхнул прямо на пол, –

и где твой пролитый кофе?

Настя смотрела на фокусы с легким недоумением.

– А теперь почитай вот это, здесь подробно описан наш бизнес-план.

– Какой-какой план?

– План сетевого маркетинга нашей компании, – и добавил вкрадчивым голосом: – надеюсь, и нашей с тобой компании.

Настя хлопнула залпом коньяк и зажмурилась, прислушиваясь к себе. Внутри бесновались черти. Они выплясывали на обломках разрушенных кораблей, топтали песочные замки и строили рожи, каких свет не видывал. И лишь один грустный чертенок сидел на маленьком кожаном диванчике, ковыряя в нем пальчиком и приговаривая: «Будет новая дыйка...».

Любовь к мандаринам

Они были молоды и беспечны. Той молодостью, когда наивная юность уже позади, а впереди – целая жизнь, и той беспечностью, которая свойственна 20-летним: пофигизм вперемишку со здравым смыслом. Беспечность подпитывалась крылатой свободой – они были в отпуске. И не просто в отпуске, а на берегу моря, в пансионате, и пусть ноябрь, пусть купаться уже нельзя, но пальмы – зеленые, море – синее, а воздух... Воздух проникал во все клеточки уставшего организма и кружил голову в прямом и переносном смысле.

Компания подобралась что надо: горячие армянские пар-

ни, загадочные – эстонские и две русские девушки. Когда они выходили из корпуса, этим русским завидовало все женское население пансионата.

Собираясь в Сочи, Машка комплексовала – ни одной фирменной тряпки! Два самовязанных свитера, да костюмчик, сшитый мамой на скорую руку. Такими одежками привлечешь внимание разве что вахтера: туда ли вы, девушка, приехали, предъявите путевочку. Но приехала она туда, путевку купила на свои кровные и собиралась тихо-мирно прожить все восемнадцать дней, не строя заоблачных планов.

Соседка по номеру была ей под стать – та же провинция. Фигурой, правда, получше, рост метр семьдесят и, конечно, светловолосая. Машка вздохнула: давно бы надо покраситься, но уж очень засела в ней неприязнь к пергидрольным блондинкам.

В центре мужского внимания они оказались случайно. В баре за длинным столом было лишь два свободных места, уготованных будто для них. Самой судьбой уготованных – напротив Машки сидел Маргус. Ей всегда казалось, что эстонцы светлые, голубоглазые и почему-то упитанные. Маргус был худ, высок, черноволос, а пышные усы придавали ему определенную значимость. Позже друзья сказали, что такой внешностью в старину обладали в Эстонии мужчины самых благородных кровей. Маргус не отходил от нее ни на шаг. На третий день он пригласил в ресторан. Маринка – на небесах. Ну ведь есть в жизни счастье! Ну есть же! Сочи,

море, Маргус, музыка, шампанское, розы в подарок... Вернувшись из ресторана, они нашли всю компанию в баре. Бар, надо сказать, был удивительный. «Наутилус» стоял почти у кромки воды, и в открытую дверь было видно, как в море садится солнце. Они дурачились, выбегали на берег и просили солнце остаться с ними. Но оно неизменно тонуло за горизонтом.

Маргус от широты душевной заказывал всем коньяк, невзирая на цены. Машка ловила завистливые взгляды из-за соседних столиков и кокетливо поводила плечиком: вот тебе и самовязанный свитер! Одно настораживало – Маргус пил много. Он никогда не валился с ног, не засыпал, не ругался, лишь короткое «курат» вылетало из-под усов, что в переводе с эстонского означало невинное «черт». Чертыхался он часто, от выпитого по возрастающей. Но это было так мило по сравнению с лексиконом принявших на грудь соотечественников, что Машка и в голову не брала. Подумаешь, выпил. Может себе позволить. Вон сколько денег потратил за один только вечер!

Она не строила планов на будущее. Она вбирала в себя этот волшебный воздух, жалея, что приходится выдыхать его обратно, так бы и не рассталась с ним. Затаив дыхание, она смотрела среди ночи на Маргуса, разметавшего по узкой кровати длинные руки и ноги. Удивительно – он не храпел. Он спал глубоко и спокойно, мужчина благородных кровей. В номере он жил один, и они никому не мешали. Или им ни-

кто не мешал? Машка уходила глубокой ночью, или не уходила, в зависимости от его состояния. Иногда они разговаривали. Машка знала, что Маргус живет с родителями, но у него есть своя квартира. Не какая-нибудь – с камином. Он любит сидеть за рулем, вечерами бывает в сауне или в маленьком ресторанчике на углу. Маргус говорил по-русски с ошибками, путаясь в словах, ударениях и окончаниях, вставлял свое «курат» и все заканчивал поцелуем, смеясь, что это у него получается лучше. Машка не возражала. К чему слова, когда и так все понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.